

Аркадий Аверченко

Сорные травы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А19

А19 **Аверченко А.**
Сорные травы / Аркадий Аверченко – М.: Книга по Требованию, 2012. – 114 с.

ISBN 978-5-458-08509-0

Такие вещи ,как "Грозное местоимение", "Виктор Поликарпович", "новые правила" и несколько других - помещённых в этой книге - должны занять почётное в любой хрестоматии нашей общественной и политической жизни - если бы такая хрестоматия была кем-нибудь когда-нибудь выпущена в свет.

ISBN 978-5-458-08509-0

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Аркадія Аверченко.

Прежде, чѣмъ сказать что-нибудь объ этой книгѣ, я считаю необходимымъ сказать нѣсколько словъ объ ея авторѣ.

Кто такой Өома Опискинъ?

Многіе изъ читателей считали и до сихъ поръ считаютъ «Өому Опискина» псевдонимомъ какого нибудь скромнаго, скрывающаго свое настоящее имя, писателя; читателей сбило съ толку сходство имени и фамиліи этого юмориста съ именемъ и фамиліей популярнаго персонажа изъ повѣсти Достоевскаго «Село Степанчиково и его обитатели».

Это совершенно случайное совпаденіе.

Өома Степанычъ ^{1*)} Опискинъ — это настоящее имя и фамилія сатирическаго писателя и постояннаго сотрудника журнала «Новый Сатириконъ».

Өома Степанычъ происходитъ изъ мелкопомѣстныхъ бѣдныхъ дворянъ Екатеринославской губерніи, Славяносербскаго уѣзда. Отець его Степанъ Селиванычъ ^{2**)} служилъ въ должности воинскаго начальника въ г. Славносербскѣ, и въ 1890 году вышелъ въ отставку, занявшись воспитаніемъ своего сына.

Молодой Өома росъ, окруженный самой нѣжной заботливостью, самыми нѣжными попеченіями. Онъ самъ рассказываетъ, что не помнитъ ни одного случая, чтобы отецъ когда-нибудь ударилъ его палкой или какимъ-нибудь другимъ предметомъ. Наоборотъ, если родительская рука и поднималась или и опускалась на маленькаго Өому, то только для того, чтобы приласкать его...

Ясно, что въ этой атмосферѣ и создалась душа нѣжная, чуткая, сердце доброе и возвышенное...

Кромѣ этихъ свойствъ, я долженъ указать еще на одно,— пожалуй, на самое главное Өома Степанычъ отличается исключительной, пожалуй, даже болѣзненной скромностью и застѣнчивостью. Въ этомъ всякій читатель можетъ сразу убѣдиться,— едва только раскрывъ «Сорныя травы». Въ началѣ книги помѣщенъ портретъ Өомы Степаныча—и что же! Өома Степанычъ снятъ тамъ въ совершенно оригинальномъ видѣ—съ лицомъ, закрытымъ руками. Даже въ такомъ видѣ намъ стоило громаднаго труда уговорить его стать передъ фотографическимъ аппаратомъ. Тщетно мы указывали ему на то, что читателямъ будетъ пріятно увидѣть лицо человѣка, съ которымъ они духовно сжились и котораго они такъ любятъ за независимость и ядовитость его сатиры.

— Нѣтъ нѣтъ,— кротко упираясь, возражалъ Өома Степанычъ.— Зачѣмъ же... кому это интересно?..

— Увѣряю тебя, Өома, это нужно,— уговаривалъ его Ре-Ми.— Ты такой красивый, и всѣмъ будетъ пріятно полюбоваться на твое лицо.

— Пусть любятъся моимъ духовнымъ лицомъ, а не физическимъ. Физическая красота преходяща, а духовное лицо остается.

— Өома, Өома! Вотъ поэтому-то и нужно запечатлѣть то, что преходяще, то, что исчезнетъ. А вдругъ ты скоро умрешь? Неужели, послѣ тебя не останется ни одного слѣда, ни одного портрета, который бы напоминалъ твоимъ читателямъ и намъ, твоимъ друзьямъ, о тебѣ...

— Нѣтъ, нѣтъ...

¹ И опять совпаденіе—въ отчествѣ Ө. О. и въ названіи села у Достоевскаго (Степанычъ—Степанчиково).

² И опять уже третье по счету, удивительное совпаденіе: «Селиванычъ—село Степанчиково»—одинъ и тотъ же корень «сел.»*

Сорные травы

Упирающагося писателя подтащили къ аппарату, поставили въ позу,— но одного предусмотрѣть не могли: въ моментъ, когда фотографъ сказалъ «готово»— Ома цѣломудреннымъ жестомъ закрылъ лицо руками. Въ концѣ концовъ, какъ ни бились— пришлось помѣстить вышеуказанное неполное и малоудовлетворительное изображеніе писателя.

Эта скромность, это стремленіе стушеваться, сѣсть куда нибудь въ уголокъ, спрятаться — проходить красной нитью черезъ всѣ поступки, черезъ всю жизнь симпатичнаго писателя.

Ома Опискинъ почти безвыѣздно живетъ въ Петербургѣ, а можетъ ли кто-либо изъ празднои столичной публики похвастать, что видѣлъ его въ лицо? Нѣтъ! Только три мѣста могутъ быть названы тѣми тремя китами, на которыхъ держится непритязательная тихая жизнь Омы Опискина: квартирка на Кронверскомъ, редакція «Новаго Сатирикона» и кресло въ амфитеатрѣ Марінскаго театра — вотъ и все.

И, однако,— что самое удивительное — при такой кротости, скромности и незлобivosti, Ома Опискинъ носить въ сердцѣ своемъ ненависть — самую беспощадную неутолимую, свирѣпую ненависть — къ октябризму и къ октябристамъ!

Я часто думаю: сколько нужно было глупости, пошлости, лжи, низкопоклонства, предательства и недомыслія, чтобы раздуть въ сердцѣ этого почти святаго человѣка такое страшное пламя...

И если бы этому человѣку, который даже упавшую къ нему въ стаканъ съ виномъ муху старается осторожно вынуть изъ вина и, вытрезвивъ, выпустить на свободу — если бы этому человѣку попался въ руки живой октябристъ—я содрогаюсь, представляя себѣ — что сдѣлать бы съ нимъ «кротій Омушка», какъ прозвали его у насъ въ редакціи. Онъ выкололъ бы ему глаза, оборвалъ уши и кусалъ бы долго и билъ бы его ногами по самымъ чувствительнымъ частямъ тѣла (однажды, въ минуту откровенности, онъ самъ признался мнѣ, что сдѣлалъ бы такъ...)

Вотъ почему всѣ его фельетоны объ октябристахъ полны самага тонкаго беспощаднаго яда и злости.

Почти все, что онъ написалъ (писалъ онъ только у насъ, въ «Сатириконѣ») — прошло черезъ мои руки и я могу съ гордостью назвать себя крестнымъ отцомъ этого удивительнаго писателя и человѣка. Началъ онъ писать по моей просьбѣ, по моему настоянію, и до сихъ поръ у него сохранилось ласковое обращеніе ко мнѣ: «дорогой папаша». Въ тонѣ ему и я называю его сынкомъ, и очень бываю доволенъ, когда какой нибудь фельетонъ или рассказъ «сынка» вызываетъ восхищеніе у читателей и товарищей по редакціи...

Иногда по условіемъ редакціонной спѣшности намъ случалось писать съ нимъ вмѣстѣ — и эта работа бывала для меня истиннымъ удовольствіемъ. Быстрота соображенія, какая-то молненосность въ пониманіи моего замысла—всегда поражала меня.

И я всегда удивлялся его точному ясному языку, ясности его опредѣлений и неожиданности сравненій.

Послѣ того, какъ нами заканчивалась какая нибудь вещь, мы поднимали длинные споры — чѣмъ именемъ подписать ее.

И всегда почти его удивительная скромность выступала на сцену:— Нѣтъ, Аркадій, по праву эта вещь твоя, ты далъ и сюжетъ и внесъ въ исполненіе нотку скорбной ироніи, которая такъ украсила фельетонъ. Нѣтъ, папаша, фельетонъ этотъ по праву твой!

Өма Опискин

— Но, сынокъ,— возражалъ я.— Пойми же, что фельетонъ вѣсь цѣликомъ написанъ тобой! Ты его писалъ, а я сдѣлалъ всего два-три замѣчанія.

— Нѣтъ, папаша, и т. д. И, съ упрямымъ видомъ, поблескивая кроткими, ласковыми глазами, онъ долго теребилъ свою рыжеватую маленькую бородку...

Не знаю, можетъ быть, меня упрекнуть въ пристрастїи къ Өмѣ Опискину, но я говорю, что думаю; я считаю эту книгу замѣчательной. Блескъ, сила, темпераментъ, сжатость выкованного мастерской рукой слога, ошеломляющій своей неожиданностью юморъ — все это должно поставить эту книгу въ рядъ интереснѣйшихъ книгъ послѣднихъ лѣтъ.

Такія вещи, какъ «Грозное мѣстоименіе», «Викторъ Поликарповичъ», «Новыя Правила» и нѣсколько другихъ — помѣщенныхъ въ этой книгѣ — должны занять почетное мѣсто въ любой хрестоматїи нашей общественной и политической жизни — если бы такая хрестоматїя была кѣмъ нибудь когда нибудь выпущена въ свѣтъ.

Аркадій Аверченко.

ЧАСТЬ I

ЧЕРТОПОЛОХЪ и КРАПИВА.

БЫЛОЕ.

(русские в 1962 году).

Зима этого года была особенно суровая...

Крестьяне сидели дома — никому не хотѣлось высовывать носа на улицу. Дѣти перестали ходить вѣ училище, а бабы совершали самые краткіе рейсы: черезъ улицу — вѣ гастрономическій магазинъ или на электрическую станцію, съ претензіей и жалобой на вѣчную неисправность электрическихъ проводовъ.

Дѣдъ Пантелей разлегся на теплой лежанкѣ и, щуря старые глаза отъ электрической лампочки, поглядывалъ на сбившихся вѣ кучу у его ногъ малышей.

— Ну, что-жѣ вамъ рассказать, мез-анфанчики? Что хотите слушать, пострѣлята?

— Старое что-нибудь,— попросила бойкая Аксюшка.

— Да что старое-то?

— Про губернаторовъ.

— Про гу-бер-на-то-ровъ?— протянулъ добродушно-иронически старикъ.—И чивой-то вы ихъ такъ полюбили: и вчера про губернаторовъ и сегодня про губериаторовъ...

— Чудно больно,— сказалъ Ванька, шмыгая носомъ.

— Ваня!—замѣтила мать, сидѣвшая на лавкѣ съ какой-то книгой вѣ рукахъ.—Это еще что за безобразіе? Носового платка нѣтъ, что ли? Твой носъ дѣйствуетъ мнѣ на нервы.

— Такъ про губернаторовъ?— прищурился дѣдъ Пантелей.— Правду рассказывать?

— Не тяни, дѣдъ,— сказала бойкая Аксюшка.—Ты уже впадаешь вѣ старческую болтливость, вѣ маразмъ и испытываешь наше терпѣніе!

— И штой-то за культурная дѣвченочка,— захохоталъ дѣдъ.— Ну, слушайте, лэди и джентльменты... «Это было давно... Я не помню, когда это было — можетъ быть никогда», какъ сказалъ поэтъ. И такъ, начнемъ съ вятскаго губернатора Камышанскаго. Представьте себѣ, дѣтки, вдругъ однажды онъ издаетъ обязательное постановление такого рода: «виновные вѣ печатаніи, храненіи и распространеніи сочиненій тенденціознаго содержания подвергаются штрафу съ замѣной тюремнымъ заключеніемъ до трехъ мѣсяцевъ!"

Ванькина мать Агафья подняла отъ книги голову и прислушалась.

— Позволь, отецъ,— замѣтила она,— но вѣдъ тенденціозное содержаніе еще не есть преступное? И Толстой былъ тенденціозенъ и Достоевскій вѣ своемъ «Дневникѣ писателя»... Неужели-же...

— Вотъ поди-жѣ ты, — засмѣялся дѣдъ, — и другіе ему то же самое говорили, да что подѣлаешь: чрезвычайное положеніе! А вѣдъ законникъ былъ, кандидатъ вѣ министры! Умѣ имѣлъ государственный.

Дѣдъ помолчалъ, пожевывая провалившимися губами.

— А то херсонскій былъ губернаторъ. Ужѣ я и фамилію его забылъ... Бантышъ, што-ли... Такъ тотъ однажды оштрафовалъ газету за телеграмму Петербургскаго Телеграфнаго Агентства изъ Англій, съ рѣчью какого то англійскаго дѣятеля. Что смѣху было!

— Путаешь ты что-то, старый,— сказали Ванька. —Петербургское Агентство вѣдь официальное?! Заврался нашъ дѣдъ.

— Ваня,— укоризненно замѣтила Агафья.

Дѣдъ снисходительно усмѣхнулся.

— Ничего... То ли еще бывало! Какъ вспомнишь — и смѣхъ, и грѣхъ. Владивостокскій губернаторъ закрылъ корейскую газету за статью объ Японіи, симферопольскій вице-губернаторъ Масальскій оштрафовалъ «Тавричанина» за перепечатки изъ «Новаго Времени»... Такой былъ славный, тактичный. Онъ-же гимназистовъ на улицѣ ловилъ, которые фуражекъ ему не снимали, и арестовывалъ. Тѣ, бывало, клопики маленькіе, плачутся: «за что, дяденька?» «За то, что начальство не почитаете, меня на улицѣ не узнаете!» «Да мы съ вами незнакомы!»—«А-а, незнакомы? Посидите въ каталажкѣ — будете знакомы!» Веселый былъ человекъ.

Дѣдъ опустил голову и задумался. И лицо его освѣтилось тихой задушевной улыбкой...

— Муратова тамбовскаго тоже помню... Приглашали его однажды на официальный дѣловой обѣдъ. «Приѣду, — говоритъ, — только если евреевъ за столомъ не будетъ».— «Одинъ будетъ,— говорятъ.— Директоръ банка».—«Значить я не буду!» Такой былъ жизнерадостный...

Телефонный звонокъ перебилъ его рассказъ. Аксюшка подскочила къ телефону и затараторила:

— Алло! кто говоритъ? Дядя Миняй? Отца нѣтъ. Онъ на собраніи общества дѣятелей садовой культуры. Что? Какую книжку? Мопассана? «Бель-Ами?» хорошо, спрошу у мамы. Если есть — она пришлетъ.

Аксюшка вернулась отъ телефона и припала къ дѣдову плечу.

— Еще, дѣдушка, чтонибудь о губернаторахъ.

— Да, что-жъ еще?.. Дѣдъ разсмѣялся.

— Нравится? Какъ это говорится: «недаромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ»... Хе-хе... Толмачева одесскаго тоже хорошо помню. Благороднѣйшій человекъ былъ, порывистый! Научнѣйшая натура. Когда изобрѣли препаратъ «606», онъ и имъ заинтересовался. «Кто, спрашиваетъ, изобрѣлъ? Эрлихъ? Жидъ? Да не допущу же я, говоритъ, дѣлать у себя въ Одессѣ опыты съ жидовскимъ препаратомъ. Да не бывать-же этому! Да не опозорю же я родного мнѣ города этимъ шарлатанствомъ!!» Очень отзывчивый былъ человекъ, крѣпкій. дѣдъ оживился.

— Думбадзе тоже помню! Тотъ былъ задумчивый.

— Какъ, дѣдъ, задумчивый?

— Задумается, задумается, а потомъ скажетъ: «есть у насъ среди солдатъ еврей?» «Есть». «Выслать ихъ». Купальщицъ высылалъ, которыя безъ костюмовъ купались, купальщиковъ, которые подглядывали. И всѣхъ — по этапу, по этапу. Вкусъ большой къ этапамъ имѣлъ... А разъ, помню, ушелъ онъ изъ Ялты. Одѣлся въ англійскій костюмъ и поѣхалъ по Россіи... А журналу «Сатириконъ» стало жаль его,— что вотъ, молъ, былъ человекъ старый при дѣлѣ, а теперь безъ дѣла. Написали статью, пожалѣли. А онъ возьми и вернись въ Ялту, когда журналъ тамъ получился. И что-жъ вы думаете, дѣтки: стали городовые по его приказу за газетчиками бѣгать, «Сатириканы» отнимать, въ клочья рвать. Распорядительный былъ человекъ! Стойкій.

Сорные травы

И долго еще раздавался монотонный добродушный дѣдовъ голосъ. И долго слушали его притихшія изумленные дѣти.

А за окномъ выла упорная сельская мятель, слышались звуки автомобильныхъ сиренъ и однотонное гудѣніе дуговыхъ фонарей на большой занесенной снѣгомъ дорогѣ...

Ежилась, мерзла и отогрѣвалась святая Русь.

РЕДАКТОРЪ «СОБАКИНОЙ ЖИЗНИ».

По пустынной улицѣ города Собакина тихо брель человѣкъ. Когда онъ завернулъ за уголъ — ему на встрѣчу попались два прохожихъ.

Одинъ изъ нихъ взглянулъ на него и сказалъ товарищу:

— Какое симпатичное лицо. Не знаешь — кто это?

— Это редакторъ нашей «Собакиной жизни».

— А, это вонъ кто! Препротивная физиогномія. Поколотить его развѣ, благо, никого нѣтъ поблизости.

— За что?

— Онъ вчера въ своей газетишкѣ выругалъ моего тестя, базарнаго старосту. Эхъ... только рукъ марать не хочется!..

Зять базарнаго старосты обернулся назадъ и крикнулъ редактору «Собакиной жизни»:

— Эй, ты, морда! Попадешься ты мнѣ когда нибудь въ темномъ уголкѣ! Спусти я тебѣ шкуру.

Редакторъ, пріостановившись, выслушалъ это обѣщаніе и сейчасъ же забылъ о немъ. Ему было не до того — нужно было спѣшить въ редакцію.

Въ редакціонной комнатѣ сидѣлъ секретарь редакціи и высчитывалъ что-то по пальцамъ. Увидѣвъ редактора, холодно протянулъ ему руку и ядовито усмѣхнулся:

— Спасибо-съ, дорогой! Удружили-съ.

— Что еще?

— Кто васъ просилъ выбрасывать изъ моей статьи о шоссеиныхъ дорогахъ вторую половину?

— Опасно, милый. Вы тамъ чуть-ли не исправника касаетесь.

Секретарь всталъ, неторопливымъ движеніемъ впуталъ сухіе пальцы въ свои длинные волосы, закрылъ глаза и тихо сказалъ:

— Будьте вы всѣ прокляты отнынѣ и до вѣка съ вашей трусостью, расчетливостью, тактичностью, недомысліемъ, вашими исправниками, шоссеиными дорогами, со всѣмъ вашимъ гнуснымъ тоскливымъ арсеналомъ лжи и угодничества! Умный человѣкъ никогда не выкинулъ бы второй половины «о шоссеиныхъ дорогахъ»!

— Однако, на прошлой недѣлѣ насъ за меньшее оштрафовали на триста.

Закрывъ уши и повалившись на диванъ, секретарь кричалъ нервно и громко:

— Прокляты! Будьте прокляты!

Въ три часа пришелъ неизвѣстный посѣтитель. Онъ спросилъ редактора, ввалился къ нему въ комнату, бросилъ на столъ какой-то большой тюкъ и прохрипѣлъ:

— На-ге, получайте. Отдавайте мои деньги назадъ!

— Что это такое?

— Это ваша глупѣйшая «Собакина жизнь». Съ начала года. Берите вашу газету, отдайте мнѣ мои деньги.

— У насъ не принято возвращать подписчикамъ деньги.

— Да-а-а?— заревѣль поѣтитель,— Деньги возвращать не принято, а чепухой кормить подписчика принято? Давать хорошія свѣжія новости не принято, а «еще объ умѣ слоновъ»—принято? Освѣщать жизнь и неустройство провинціи не принято, преслѣдовать и обнаруживать злоупотребленія мерзавцевъ не принято, а «простѣйшій способъ приготовления замазки для склеиванія фарфора»— это принято? И „сколько помѣщается бациль въ капль воды»— тоже принято? И «матеріалы къ исторіи завоеванія хивинскаго ханства»— тоже принято? Получайте вашу паршивую газету, отдавайте мои денежки! Тутъ двухъ номеровъ не хватаетъ — жена варенье завязывала — чертъ съ вами, вычитите гривеникъ... А остальные давайте! Слышите? Начхать мнѣ на то, сколько слоновъ помѣщается въ капль воды — слышите?.. Пожалуйте денежки-съ!

Выйдя изъ редакціи, редакторъ «Собакиной жизни» пошелъ домой обѣдать.

— Пришелъ?— встрѣтила его жена.— Явился? Кушать хочешь—лопай вареный картофель! Больше ничего нѣтъ!!

— Неужели, деньги уже вышли?— опустивъ голову пробормоталъ редакторъ.

— Ахъ, дитя прелестное! Институточка въ передничкѣ! «Неужели, вышли»? На прошлой недѣль триста заплатили за «околодочнаго въ нетрезвомъ видѣ», да 14-го двѣсти за «что намъ нужно, чтобы укрѣпиться на Желтомъ морѣ»... Укрѣпился?...забылъ? Тебѣ не жену имѣть, а въ тюрьмѣ баланду хлебать!.. Тоже! Робеспьеръ выискался... Буланже! „Аллонъ занфанъ". Туда-же...

Редакторъ съѣлъ картофель, взялъ изъ комода чистый платочекъ и ушелъ изъ дому.

—Что вамъ угодно?—спросили его въ передней губернаторскаго дома.

—Его превосходительство, г. губернатора можно видѣть? Вызывали меня.

Пошли. Справились. Оказалось—видѣть можно.

—А, это вы!—сказалъ губернаторъ.—Я вызвалъ васъ за тѣмъ, чтобы сказать, что вы играете въ плохую игру. Вы знаете о чемъ я говорю? То-то же... Я понимаю, что означаетъ фраза: «культурныя начинанія мыслимы лишь въ атмосферѣ настоящаго успокоенія»! Понимаю-съ. Знаете-ли вы о существованіи статьи 173 параграфа 17-в?

— Какой? Виновать...

— Я говорю: статьи 292 параграфа 9-б?

— Я— не зналъ...

— Онъ не зналъ о существованіи 423 статьи параграфа 3-д!!.. Что же вы тогда знаете? Статья 92 параграфа 7 гласитъ: виновный — и такъ далѣе, подвергается — и такъ далѣе.

Редакторъ вынулъ чистый носовой платокъ, съѣлъ на полъ и заплакалъ...

— Ваше превосходительство! Гдѣ-то въ Италіи, во Франціи, въ Германіи ходятъ по улицамъ люди и улыбаются, и имъ тепло... и они смѣются... и у нихъ есть счастье... и у нихъ есть личная жизнь... дѣточки радостныя бѣгаютъ... Ваше превосходительство! Чѣмъ-же я виновать, что я не нѣмецъ?

— Что за вздоръ?! Редакторъ махнулъ рукой.

— Охъ, не то я хотѣлъ сказать... Ну, да все равно... Позвольте мнѣ, пожалуйста, поплакать! Я паркета не испорчу—я въ платочекъ. Эхъ, родненькій!.. Поговоримъ, какъ братъ съ братомъ. Все равно ужѣ. Ну, что я вамъ сдѣлалъ? Зачѣмъ параграфъ 7-д? Смотрите: ну, развѣ я не человекъ? У меня есть и сердце, и легкія, и кости, какъ у другихъ людей... Зачѣмъ же легкія у меня гниютъ, сердце сжимается, а кости ноютъ...

Сорные травы

Ваше превосходительство! Возьмите мою голову, обнимите ее одной рукой, прижмите къ груди и погладьте мои волосы: «бѣдный ты, моль, бѣдный... Нѣтъ у тебя ни одного луча свѣтлаго, ни одной минуточки теплой, тихой»... Смѣшались-бы наши слезы и выросло бы вамъ, отъ этихъ слезъ, на томъ свѣтѣ райское дерево со сладчайшими яблочками!.. Или хотите такъ: я положу голову на паркетикъ, а вы каблукомъ по ней хряснете — и конецъ... Го-о-осподи! Ахъ, да и усталъ же я!..

— Зачѣмъ-же мнѣ васъ каблукомъ,— нахмурился генераль.— Я люблю литературу и уважаю ея представителей. Но все нужно въ предѣлахъ закономѣрности, на основаніи тѣхъ законоположеній, кои... на срокъ дѣйствія охраны... размѣромъ не выше трехъ мѣсяцевъ... возбужденіе одной части населенія противъ другой... сенатское разъясненіе... съ замѣной въ случаѣ несостоятельности.

Генераль долго говорилъ, мягкимъ сочувственнымъ голосомъ, плавно качая въ тактъ рукой.

А притихшій редакторъ сидѣлъ, согнувшись, у его ногъ и глядѣлъ подь письменный столъ полужакрытыми спокойными глазами.

Быль мертвъ.

ПОДЪ СВОДОМЪ ЗАКОНОВЪ.

Во первыхъ — тотъ рассказъ не заключаетъ въ себѣ ничего такого, что принято называть «внутренней политикой». Первое его несомнѣнное достоинство.

Во вторыхъ — хотя главное дѣйствующее лицо въ рассказѣ и партійный человѣкъ — кадетъ, тѣмъ не менѣе его убѣжденія не имѣютъ никакого отношенія къ тому, что съ нимъ случилось. Разсказанное ниже могло произойти со всякимъ другимъ человѣкомъ. Съ адвокатомъ, профессоромъ, живописцемъ — мало ли съ кѣмъ. А разъ подвернулся кадетъ — все произошло съ кадетомъ. Такимъ образомъ, рассказъ не тенденціозенъ. Второе его ясное безспорное достоинство.

Въ третьихъ — я слишкомъ лѣнивъ для того, чтобы самому сочинить такой прекрасный интересный рассказъ. Передаю его со словъ одного веселаго человѣка, который куда то вчера уѣхалъ. Не знаю — куда. Поэтому, если бы даже кто нибудь и пришелъ въ восторгъ отъ разсказа — пусть онъ не разыскиваетъ автора, не шлетъ ему благодарственныхъ телеграммъ — это совершенно лишнее. Автора нѣтъ. Случай такой былъ. Это третье его несомнѣнное, ясное даже для лицъ, обдѣленныхъ мозгами, достоинство.

Такъ-то-съ.

Кадетъ жилъ на дачѣ. Пошелъ онъ разъ въ лѣсъ собирать грибы и заблудился. Такая досада.

Начало уже темнѣть, когда онъ усталый, разочарованный въ жизни, набрелъ на какое-то дерево, подь которымъ спалъ человѣкъ.

Кадетъ деликатно дернулъ его за пиджакъ и сказалъ:

— Вотъ удача! Не можете ли, милостивый государь, указать мнѣ дорогу изъ этой проклятой труппы? Спавшій человѣкъ проснулся.

— Доро-огу? А который часъ?

— Да семь.

— Дай-ка мнѣ свои часы...

— Извольте. Вы, вѣроятно, хотите собственными глазами убѣдиться въ томъ, о чемъ я сейчасъ вамъ сообщаю на словахъ? Извольте видѣть—семь часовъ.

Незнакомецъ взялъ часы и дернулъ ихъ къ себѣ такъ сильно, что цѣпочка лопнула.

— Осторожнѣе,— мягко замѣтилъ кадетъ.— Вы, вѣроятно, насколько я догадываюсь, не рассчитали движенія, которое хотѣли сдѣлать съ цѣлью приблизить часы къ своимъ глазамъ?

— Экъ тебя разворачиваетъ... Просто взялъ у тебя часы — вотъ и все. Кадетъ задумался.

— Виновать... Я не могу себѣ точно уяснить, какимъ юридическимъ терминомъ можно охарактеризовать актъ перехода моего имущества (въ данномъ случаѣ-часовъ) въ ваше пользованіе? Это не есть актъ даренія, потому что для такого акта требуется прежде всего наличность воли и согласіе дарителя. Нельзя назвать также это и куплей-продажей, ибо въ такомъ случаѣ, кроме согласія владельца, послѣдній имѣетъ также право на полученіе эквивалента, иными словами — стоимости проданной вещи, выраженной въ конкретныхъ денежныхъ знакахъ.

— Держи карманъ шире,— пробормоталъ незнакомецъ.

Кадетъ отвернулъ бортъ сюртука, оттопырилъ двумя пальцами карманъ и довърчиво сказалъ:

— Держу.

— Те-те-те... Что это у тебя тамъ? Бумажникъ? А позвольте...

— Мнѣ непонятно,— послѣ нѣкотораго раздумья сказалъ кадетъ,— зачѣмъ вы взяли мой бумажникъ съ деньгами? Какъ и въ первомъ случаѣ — я не усматриваю здѣсь признаковъ даренія, а тѣмъ болѣе купли-продажи, ибо денежные знаки, какъ имѣющіе абсолютную цѣнность, не могутъ служить продажнымъ товаромъ. Если же разсматривать происшедшій казусъ какъ обыкновенное взятіе цѣнностей на храненіе...

— Надоѣлъ ты мнѣ хуже горькой рѣдьки,— нетерпѣливо сказалъ неизвѣстный.— Просто я у тебя отнялъ бумажникъ и часы! Вотъ и все.

Кадетъ изумился.

— От-ня-ли? Но... позвольте... Вѣдь это незаконномѣрный насильственный актъ! Такимъ образомъ выходитъ, что вы присвоили себѣ чужую собственность. Это несправедливо. Это было бы все равно, если бы я отнялъ вашу шапку. Вы имѣли бы полное право тогда замѣтить мнѣ: «во первыхъ, шапка эта не твоя. Я тебѣ ее не дарилъ и самъ ощущалъ въ ней нужду, какъ въ. обычной защитѣ отъ зноя и непогоды». Видите что бы вы имѣли право сказать, если бы я отнялъ у васъ шапку.

— Попробуй! Я тебе дамъ такого леца, что на карачкахъ полѣзешь.

— Леца? Простого леца? Но развѣ онъ, по своей стоимости, какъ скоропортящійся пищевой продуктъ, можетъ служить компенсаціей того матеріальнаго ущерба который терплю я, лишившись часовъ и бумажника.

— Какая тамъ рыба,— усмѣхнулся незнакомецъ. Просто, если ты не перестанешь ныть, я тебя трахну по затылку.

— Какъ?! Вы стоите на почве насилія, физической расправы — этого печальнаго пережитка и наслѣдія варварскихъ временъ? Законъ ясно говоритъ, что отдѣльныя личности не могутъ присваивать себѣ функцій расправы и возмездія. Это дѣло суда, избира... кикъ!

Кадетъ упалъ на траву и внушительно сказалъ:

Сорныя травы

— Что вы дѣлаете? Драться противозаконно.

— Скидавай сюртукъ. Суконце, кажется, добротное. Скидавай съ лапъ сапоги.

— Я не могу дать вамъ своего согласія на переходъ упомянутыхъ вами вещей въ ваше пользованіе безъ моего на то согласія. Станьте на мое мѣсто, станьте на точку зрѣнія простой элементарной справедливости и — вы меня поймете. Я первый согласился бы съ вами, если бы вы указали мнѣ статью Т. X. части I., по которой...

— Запонки золотыя?

— Золотыя.

— Дай-ка.

Кадетъ съ обиженнымъ лицомъ, въ одной рубашкѣ, сидѣлъ на травѣ и угрюмо говорилъ:

— Увѣряю васъ — вы неправы. Скажу больше — я усматриваю здѣсь наличность злой воли, выразившейся въ нанесеніи мнѣ побоевъ... И я — какъ это вамъ ни непріятно — оглашу вашъ поступокъ въ печати, чтобы мыслящая часть общества могла дать должную оцѣнку моральной сторонѣ вашихъ шаговъ въ отношеніи моей личности и имущества. А юридически, увѣряю васъ, я не сомнѣваюсь, что законъ будетъ на моей сторонѣ.

Незнакомецъ, насвистывая маршъ, собиралъ и связывалъ въ узелъ брюки, ботинки и сюртукъ.

Темнѣло.

— Даже и съ этической стороны говорилъ кадетъ, зѣвая, — и то вы не имѣли права... если вдуматься...

Темнѣло.

КОРИБУ.

Въ мой редакторскій кабинетъ вошелъ, озираючись, блѣдный молодой человѣкъ. Онъ остановился у дверей и, дрожа всѣмъ тѣломъ, сталъ всматриваться въ меня.

— Вы редакторъ?

— Редакторъ.

— Ей Богу?

— Честное слово!

Онъ замолчалъ, пугливо посматривая на меня.

— Что вамъ угодно?

— Кромѣ шутокъ — вы редакторъ?

— Увѣряю васъ! Вы хотѣли чтонибудь сообщить мнѣ? Или принесли рукопись?

— Не губите меня, — сказалъ молодой человѣкъ. — Если вы сболтнете — я пропалъ!

Онъ порылся въ карманѣ, досталъ какую то бумажку, бросилъ ее на мой столъ и сдѣлалъ быстрое движеніе къ дверямъ, съ явной цѣлью — бѣжать.

Я схватилъ его за руку, оттолкнулъ отъ дверей, оттащилъ къ углу, повернулъ въ дверяхъ ключъ и сурово сказалъ:

— Э, нѣтъ, голубчикъ! Не уйдешь... Мало ли какую бумажку могъ ты бросить на мой столъ!..

Молодой человѣкъ упалъ на диванъ и залился горячими слезами.

Я развернулъ брошенную на столъ бумажку.

Вотъ какое странное произведеніе было на ней написано:

АФРИКАНСКІЯ НЕУРЯДИЦЫ.